

Л. Л. ФИАЛКОВА

Не Булгаков ли это? (терзания текстологов)*

Как известно, в 20-е годы Михаилу Булгакову приходилось писать фельетоны, обеспечивавшие небольшой, но совершенно необходимый заработок. Часть из них он подписывал фамилией, часть — псевдонимами, например М. Булл, Тускарора, Г. П. Ухов, Ф. С-ов, Михаил, Эмма Б., Ф. Скитайкин, М. Ол-Райт, М. Неизвестный. Уверенности в том, что все псевдонимы Булгакова известны, нет. Вместе с тем раскрытие новых псевдонимов должно опираться на серьезные доказательства, ибо даже отдельные чисто булгаковские обороты и фразы не всегда могут служить гарантией того, что текст написан именно им. Внимательно изучая подшивки «Гудка» и «Накануне», я нередко боролась с искушением значительно пополнить библиографию булгаковских фельетонов: похожие тексты обнаруживаются и у Л. Саянского, и у В. Катаева, и у неизвестного автора, скрывшегося под криптонимом И. Не случайно когда-то уже включили в катаевский сборник фельетон М. Булгакова «Главполитбогослужение». Дело в том, что существовал общий стиль фельетонов, характерный для определенных газет, стиль, в котором не всегда можно отделить индивидуальное от родового. Не подтверждается и предположение о том, что фамилией Булгаков подписывал удачные фельетоны, а псевдонимами — однодневки. Бывало по-разному.

Сознавая все эти сложности, хочу все же предложить на суд читателей ряд фельетонов, опубликованных в 20-х годах под псевдонимом Незнакомец. Но прежде поделюсь рядом аргументов в пользу своего предположения о том, что автором их является М. Булгаков. В газете «Гудок» 18 декабря 1925 г. за подписью Незнакомец был опубликован фельетон «Вода жизни», который год спустя вошел под тем же названием в сборник М. Булгакова «Смехач № 15».

* Впервые: Радуга. 1989. № 10. С. 86–99

Фельетон «Живой труп» («Бузотер», № 14, 1927, подпись: Незнакомец) является вариантом булгаковского фельетона «Мертвые ходят» («Гудок», 25/IX, 1925, подпись: Эмма Б.)

Фельетон «Осел Буридана» («Бич», № 17, 1928, подпись: Незнакомец) является вариантом булгаковского фельетона «Летучий голландец (Дневник больного)» («Гудок», 2/IX, 1925).

Необходимо учесть, что для М. Булгакова публикация одного фельетона или разных вариантов одного фельетона под разными подписями была чрезвычайно характерна и связана, видимо, с хроническими денежными затруднениями. Судите сами:

1) «Геркулесовы подвиги светлой памяти брандмейстера Назарова» («Гудок», 19/II, 1924. Подпись: Маг). Кстати, этот окказиональный, т.е. разовый псевдоним Булгакова, тоже не сообщается в печати. Он отмечен только в машинописной библиографии, составленной библиографическим отделом Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.	1) Глава «Брандмейстер пожаров» в «Золотых документах из моей коллекции» («Накануне», 6/IV, 1924. Подпись: Михаил Булгаков). Глава «Брандмейстер пожаров» в «Золотых корреспонденциях Ферапонта Ферапонтовича Капорцева» в сб. М. Булгакова «Смехач № 15» (вариант «Геркулесовых подвигов»).
2) «Ванькин дурак» («Бузотер», — № 19, 1925. Подпись: Ф. Скитайкин).	2) «Ванькин дурак» — глава в «Золотых корреспонденциях Ферапонта Ферапонтовича Капорцева» (сб. «Смехач № 15», цит. изд.). Вариант рассказа — глава «Крокодил Иванович» из «Золотых документов из моей коллекции» — «Накануне», 6/IV, 1924. Подпись: Михаил Булгаков.
3) «Летучий голландец (Дневник больного)» — «Гудок», 2/IX, 1925. Подпись: Больной № 555 Михаил.	3) «Летучий голландец (Дневник больного)» в сб. «Смехач № 15».
4) «Паршивый тип». «Гудок», 19/XII, 1925. Подпись: Михаил.	4) «Паршивый тип», сб. «Смехач № 15».
5) «Площадь на колесах. Дневник гениального гражданина Полосухина». — Дневник гениального «Заноза». № 9, 1924. Подпись: М. Ол-Райт.	5) «Площадь на колесах. Дневник гениального гражданина Полосухина», сб. «Смехач № 15».

Многое в фельетонах Незнакомца чрезвычайно близко Булгакову. Так, например, два фельетона «Воскресший Гоголь» («Бузотер», № 27, 1927) и «Зубпорстат» (в журнале в заглавии допущена опечатка: «Зубпоростат», что видно из дальнейшего текста, — «Бич», № 8, 1928) посвящены судьбе Н. В. Гоголя и его героев в Москве 20-х годов. Напомню в связи с этим рассказ М. Булгакова «Похождения Чичикова», родственный по духу «Зубпорстату». Характерна и коллизия гоголевских

скитаний по кинофабрикам с предложением «Ревизора» («Воскресший Гоголь»), напомним в 30-е годы и муки Булгакова с киносценарием по «Мертвым душам» и «Ревизору». Любопытна деталь: походив по Москве и вернувшись к своему памятнику, Гоголь находит его занятым молодым современным писателем. Эта ситуация словно предвосхищает сцену из «Мастера и Маргариты», когда поэт Рюхин замирает в позе памятника Пушкину. «Новый писатель» — на гоголевском постаменте и Рюхин в позе памятника Пушкину — аналогия, на мой взгляд, явная. То же можно сказать и о характере подписи к фельетону «Воскресший Гоголь»: листки подобрал Незнакомец (ср. «Письмо рабкора списал М. Булгаков» или «Документы собрал Г. П. Ухов»). Чрезвычайно характерен и фельетон «Судебным порядком» — «Бузотер», № 22, 1927, в котором находим мотивы «Театрального романа».

Особо нужно остановиться на фельетоне «Путь к славе» («Бич», № 6, 1928). Как известно, за границей Булгаков не был и, соответственно, с Горьким в Сорренто не виделся. Но уже в 1928 году он пытался получить разрешение на заграничную поездку, однако подучил отказ, датированный 8 марта 1928 года. К 1928 году относятся и первые ссылки М. Булгакова на А. М. Горького, свидетельствующие о завязавшихся между ними контактах. М. Чудакова пишет: «18 мая (1928 г. — А. Ф.) Булгаков сдает в ОГПУ заявление, где сообщает, что просил Горького «ходатайствовать перед ОГПУ о возвращении мне моих рукописей». «Алексей Максимович дал мне знать, что ходатайство его успехом увенчалось и рукописи я получу. Но вопрос о возвращении почему-то затянулся»; Булгаков просил «дать ход моему заявлению и дневники мои мне возвратить». Горький в это время находился еще в Сорренто, и Булгаков обращался к нему, видимо, через Е. П. Пешкову, опираясь на те добрые аттестации, которые Горький не раз выдавал ему в письмах к разным литераторам» (Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова // Москва. № 5, 1987). И в связи с этим очень уж по-булгаковски звучит горькая и одновременно ироничная фраза: «Конечно, не всякий имеет возможность поехать в Италию, и тогда приходится удовлетвориться “письмами Горького”»... У Булгакова такой возможности не было. Если мое предположение верно и Незнакомец — это Булгаков, то в фельетоне «Путь к славе» встречается единственное в творчестве писателя упоминание о К. Чуковском.

Фельетоны Незнакомца печатались в основном в «Бузотере», автором которого был и Булгаков (например: «Угрызаемый хвост») — («Бузотер», № 20, 1925. Подпись: Тускара).

На этом аргументы в пользу моей гипотезы заканчиваются. Остается, пожалуй, еще один, но тоже немаловажный — в фельетонах Незнакомца нет ничего противопоставленного поэтике Булгакова.

Но что же вызывает сомнения и мешает уверенной рукой приписать тексты Булгакову?

Переделки гоголевских произведений, заставляющие знакомых героев действовать в условиях гражданской войны и нэпа, были довольно многочисленными в 18–20-х годах. Они встречались у разных авторов и не были прерогативой Булгакова. Это первое.

Второе: в словаре псевдонимов значится шесть литераторов, использовавших в разное время псевдоним Незнакомец. Едва ли этот список полон. Но Булгакова среди них, конечно, нет (иначе не было бы вопроса), как нет и никого, чей стиль можно было бы спутать с булгаковским. Но нет и гарантии, что не было литератора булгаковского круга, который мог бы воспользоваться этим псевдонимом. Поэтому я и хочу предложить вниманию специалистов и любителей небольшую подборку фельетонов Незнакомца. Может быть, у кого-либо появятся дополнительные доказательства верности моей гипотезы или, наоборот, веские аргументы, опровергающие ее. Очень прошу откликнуться всех, кому знаком Незнакомец.

Живой труп

I

Доктор сделал больной перевязку — нога гноилась давно — и вышел из избы.

— В Макеевку! — сказал он вознице. — Последнего больного осмотри и — домой. Устали, чай, кони?

Когда доктор уже садился в сани, — из темноты вынырнули две фигуры.

— Не откажи, отец!

— Яви милость божецкую!

— Что такое? Больны, что ли?

— Зачем больные? — тоненьким голоском заговорил один. — Здоровые мы. Из Белоярского. Три дня за тобой ходим.

— Удостоверение выдай, отец, — сказал басом другой.

— Какое удостоверение?

— А об смерти!

— Ты пьян, дед?

— Зачем — пьян? Тверезый я, как следует... Только — не хоронят у нас без твоей-то записки... Дай, отец.

— Бы с ума сошли. Да, ведь, вы живы?

— Старость! Нонче живы, а завтра помрем. Где же тогда за тобой угонишься? — Невестка послала. Без докторского удостоверения

не смейте, — говорит, — домой приходить. Помрете, — говорит, — кто с вами возиться будет! Ожидай доктора! — говорит.

—хлопотно, главное дело! — перебил басом другой. — Выдай, что, мол, Еремеев Егор и Чебукик Пантелей своей смертью померли и никаких препятствий с твоей стороны не имеется. А?

— Право, выдай загодя.

— Как же я выдам, что вы померли, ежели вы живы к здоровы? — расхохотался доктор.

— В ем чуть душа держится. Разве он здоровый? — сказал один, указывая на другого. — Не прогадаешь.

— Помрем обязательно. Мы твое удостоверение спрячем, а как помрем, готовое будет,

— хлопотно! — главное дело. — Вези к тебе мертвеца, а ежели не застанешь? В разъездах ты, вот оно причина-то какая. Возят, возят за тобой мертвого, как, прости господи, молоко продавать.

— Ты напиши, доктор.

— Яичек или там маслица, скажем, не пожалеем...

Сани доктора уже давно выехали из села и растворились в синеве зимних сумерек, а старики все стояли у дороги и жаловались друг другу.

— Как хошь, так и помирай.

— Трудно помирать стало,

— хлопотно! — главное дело.

II

Старики вздохнули и побрели домой.

Через несколько дней к домику доктора в Белоярском подъехали деревенские дровни. На дровнях стоял гроб, в гробу лежал старик.

Возница вошел в дом.

Скоро он вышел оттуда с бумажкой, которую тщательно и бережно запрятал в шапку.

Дровни медленно отъехали.

В поле, по дороге в другую деревню, возница громко заговорил:

— Подмахнул, не глядя. Делов у него много. — Помер? — спрашивает. Имя, фамилия? Чебукин, Пантелей? Хорони — говорит...

Из гроба поднялся «покойник».

— Спасибо, дед! Отслужу! Главное — теперь и помирать можно! Удостоверение есть. Через неделю тебя повезу.

Возница весело хлестнул лошадей.

— Но-о-о, Васька. Знай, кого везешь? Живых покойников? Хо-хо-хо...

Читатель, — не сомневайся, Это — факт.

Вот телеграмма из Свердловска.

«На пленуме Уральского профсовета завед. областной РКИ тов. Ларичев приводил разительные примеры волокиты.

В Белорецком районе не регистрируют смерти без отметки врача о причине.

Поэтому приходится возить мертвого за несколько верст, рискуя не застать врача.

Два старика просили врача загодя удостовериться, что они умрут по закону, чтобы избежать волокиты после смерти»...

А вы говорите, — далеко от жизни?

Воскресший Гоголь

Известный русский романист Гоголь поручил ВУФКУ составить сценарий «Ревизора».

*(Из парижского журнала
«Французская кинематография»)*

У памятника Гоголю я нашел несколько исписанных листков блокнота.

Вот они.

«Сегодня около моего памятника два молодых человека беседовали.

У памятников есть уши, даже если это плохие памятники.

И я услышал.

— Оказывается, Гоголь жив! — сказал один.

Другой вообще не знал, — кто такой Гоголь. Он только что окончил семилетку.

— Жив Гоголь, говорю! — сказал первый,

— Который Гоголь? Не знаю!

— Чудак человек! Вот, во французском журнале ясно говорится: «Известный русский романист Гоголь поручил»...

— А ну его... Идем лучше футбольный матч смотреть.

Ушли.

Приятно, однако, узнать, что я жив. До чего осведомлены о нас за границей! Ходил по кинофабрикам. «Ревизор» — говорю — принес.

Не берут.

— Не созвучно! — отвечают. — Ежели бы о снижении цен мультипликационную ленту...

На каждой фабрике свои инсценировщики. Начинающих им не нужно. Очень трудно пристроить теперь сценарий.

На одной фабрике узнали:

— Стул, — говорят, — товарищу Лермонтову.

— Я не Лермонтов, я Гоголь.

— Это все разно: оба на дуэли убиты.

С трудом убедил, что я еще жив; французы — говорю — лучше знают!

Предложил «Ревизора»:

— Не возьмете ли для инсценировки?

На фабрике не решались:

— Да ведь у нас по-своему выйдет: ревизия кооператоров...

— Делайте, — говорю, — как хотите! Я в гробу перевернулся, когда меня Мейерхольд ставил. Теперь — после киноинсценировки снова, как следует, лягу.

Обещали принять,

Целый день бегал. Устал адски.

Вечером подхожу к памятнику, — на моем месте другой стоит.

— А я, — говорит, думал, что вы, тов. Гоголь, настолько чутки, что уступили место **НОВЫМ ПИСАТЕЛЯМ**. Посидели, — дайте другим посидеть.

Впрочем, молодой человек оказался очень сговорчивым;

— Ежели это ваша жилплощадь, садитесь, — говорит, — только я буду жаловаться в Союз писателей. Мертвый хватает живого!

Осел Буридана

«Кому же грустно в мае?» Грустно было зав. личным столом Сахаротреста тов. Хведько. Причина грусти этого почтенного члена союза лежала в желудочной области, не то в кишечнике, не то в районе брыжейки.

— Кругом май! — говорил Хведько своему соседу по комнате, — весна! Птички поют революционные мотивчики, а я больной... Подпирает вот тут... в селезенке.

— Куда же ты рукой на печенку показываешь? Географии организма не знаешь?

— А кто их разберет? К доктору бы сходить? А? Которые двести пятьдесят рублей по займу индустриализации выиграл, — на курорт истрачу. Только какой курорт от селезенки, не знаю. Ходил на комиссию, смеются. Говорят: здоров.

— Ты бы, Федя, в частную лечебницу сходил! Там скажут.

В частной лечебнице под фирмой: «Век живи — век лечись!» врач долго и упорно мял живот Хведько и грозно спросил:

— Анализ желудочного сока у вас есть?

Это было похоже на анкету и нагнало страх на пациента...

— Н-е-е-т!.. Какого сока? Откуда его брать?

— Тут же вам и сделают... Три рубля. Без анализа нельзя.

Врач позвонил. Пришла сестра, повела куда-то Хведько, с ним что-то делали...

— Приходите завтра.

Назавтра врач укоризненно посмотрел на Хведько и сказал сердито:

— Ай, ай, ай... Интеллигентный человек, а до чего себя довел! У вас кислоты в угрожающем количестве... Вам надо в Ессентуки...

— Вот, доктор, иногда у меня и тут покалывает, — указал пациент на левый бок.

— Покалывает? — строго спросил доктор. — Это очень важно. Вам надо обратиться к специалисту по легочным. Настаиваю... А так в Ессентуки, если хотите, чтобы кислоты...

Специалист по легочным выслушивал, выстукивал пациента.

— Кашляйте. Не кашляйте. Дышите. Не дышите.

Потом категорически сказал:

— В Ялту. В санаторию для туберкулезных вам еще рано, но под солнце юга, в горы и, может быть, зарубцуется...

— Мне в Ессентуки советовали... — начал было Хведько,.. — У меня кислоты.

— Что? Ессентуки? Кислоты? Чепуха, батюшка, с кислотами будете живы, а без легких...

— Неужели это так серьезно? — испуганно пролепетал пациент.

— Не так, но если запустите...

— Вот иногда у меня еще нога ноет, кость ломит.

— Кость? Нога? Может быть, костный туберкулез? Или ревматизм? Я не специалист, но советую вам к бальнеологу.

— Куда, куда?

— К бальнеологу. Специалисту по грязелечению. Вас проводят. К профессору!

Профессор трижды согнул ногу Хведько и сказал:

— Когда поедете?

— Куда? В Ялту? — недоуменно спросил.

— Нет, зачем в Ялту. В Одессу. На лиман. Необходимо! Застарелый ревматизм. Скажите, люэса у вас не было?

— Как — в Одессу? Да мне советовали в Ялту, в Ессентуки!

— Чепуха, у вас двусторонний ревматизм. Еще год-два без грязей, — и вы перестанете ходить. Предупреждаю, это очень серьезно... Впрочем, зайдите раньше для проверки своего сердца — к «сердечнику». Без этого нельзя!

Специалист по сердечным без труда нашел у пациента перебои, тупые звуки, глухие шумы и легкое расширение сердца на 3 миллиметра.

— В Кисловодск! 30 нарзанных ванн — и вы кое-как сможете протянуть до следующего сезона. Что? Ялта? Ессентуки? Лиман? Чепуха, батенька, без ноги проживете, без легкого люди живут, а сердце на минуту остановится, — амба! И не думайте никуда, кроме Кисловодска. Нарзан делает чудеса.

— Ерунда! — решительно сказал специалист по нервным, к которому обратился через несколько дней пять ночей уже не спавший от волнения и испуга Хведько. — Чепуха! Все это у вас — и сердце, и легкие, и соли, и кислоты, и ревматизм, и перебои, — все это от нервного расстройства. Полечите хорошенько нервы. Морское путешествие до Батума, месяц в Гаграх... Что, не желаете слушаться врача? Зачем же вы тогда приходите к нам? Экая некультурность!

После того, как одиннадцатый врач требовал, чтобы Хведько поехал на кумыс в Оренбургские степи, двенадцатый настаивал на Сакских грязях, а четырнадцатый определенно предупреждал, что спасет пациента только Миргородский минеральный источник или, в крайнем случае, Мацеста, — Хведько запил.

Сидя в пивнушке, он рыдал прямо в кружку.

— Май! Солнце! А куда поехать — неизвестно. На двенадцать курортов ни денег, ни лета не хватит. А на один... На какой?

Через неделю, когда все 250 руб. были пропиты, Хведько как будто почувствовал себя лучше.

Отпуск провел он в городе.

Гибель богов

В деревне намечается огромный спрос на портреты вождей. Богомазы переделывают заготовленные ранее иконы в портреты наркомов.

(газ. «Веч. Киев»)

— Вы вот товарища Карла Маркса возьмите. Два рубля всего, а вылитый вождь. Опять же краска, не охра какая-нибудь, а масляная, работа на совесть. Ей-богу, когда я его за Николая Чудотворца продавал — меньше трех рублей не брал. Тогда, действительно, на божественное был спрос, что и говорить. В каждой крестьянской избе обязательно чтобы икона была, и краски чтоб огнем горели! Работали мы...

— Откуда вы? — спросил покупатель.

— Санжаровские! Богомазы. При Николае I помещик Березовский выписал трех богомазов из Владимира. Какого хочешь бога нарисуют. Потому спрос был. Теперь не то. Комсомольские песни поют, а богов

под лавку. Намедни приходит из села Бурлачья Балка, недалече тут, мужик:

— Перерисуй, говорит мне, Серафима Саровского и Георгия Победоносца в наших, говорит, вождей!

А я ему чуть в глаза не плюнул.

— Ты, говорю, не знаешь, что нынешние-то против религии? Религия, говорят, обман и опиум вроде кофейной гущи.

А он мне:

— А на что, говорит, мне их под божественное? Ничего преподобного, говорит. Рисуй просто, как есть — Будённого там или Михайлу Ивановича Калинина, без всякой божественности. А только, чтоб на доске, для крепости и прочности и чтоб краски — покрасивее. Шпарь, говорит, и никаких святых!

— И переделываете? Спрос есть?

— На прочный портрет? Господи боже мой же ж! Скажем, Карла Маркса большое сходство имеет с Николой Чудотворцем. Только бороду подлиннее ему сделай и чтоб никакого сияния! Сияние не подходит теперь. А с другими святыми — много хлопот, лучше заново писать их, чем переделывать. Вот, скажем, Серафима Саровского, как тут его в Луначарского переделаешь? А спрос на Луначарского большой. У нас икон-то старых много — однако не всякую переделаешь под нынешних! Потому, что разные взгляды у них. У старых-то — кожа дряблая, вокруг глаз морщины, глаза будто мертвые. Опять же бородка подходящая у многих. Луначарский под бородку Зосимы весьма подходит, а возраст — не тот. А вот святого Савватия, — прямо можно сказать, — в какое угодно ВСНХ переделать можно. Благообразный у него вид. Прикажите — под Сергея Малышева пойдет, прикажите — под Энгельса! Вообще иностранных легче, потому борода у их настоящая, а из наших только Михаил Иванович Калинин не очень много хлопот доставляет. Большой спрос на Михал Ивановича! Агромнейший! Каждый почти крестьянин спрашивает! И чтоб на дереве — для прочности!

Покупатель выбрал несколько портретов вождей, собрался уходить. Богомаз пошел за ним:

— Взяли бы Семашку, честное, слово, дешево уступлю. Потому переделка легкая. Из Пантелеймона Целителя кое-что подмазать, опять же в глаза идею пустить. Которые божественные были, в глазах не обозначалось, прямо пустота, а наши наркомы — обязательно мысль есть, и крестьянин это первоклассно понимает и требует, чтоб глаза говорили за новое. Так-то!..

— Да нет, не надо, у меня есть портреты вождей,

— Так то — портреты, а это на доске?! Прочность какая? Крестьянство любит, чтоб прочнее было. Берите, вот Енукидзе, вот Ворошилов — пошли в народ наши вожди... Дело крепко...

Гость без головы

В дверь постучали:

— Там какой-то спрашивает вас! — сказала, точно в барабан ударила, Маша — коммунальная работница четырех жильцов квартиры № 8.

— Кто такой, Марья Антоновна? — спросил писатель, сидевший у стола.

— Чудной какой-то! В плащу. Должно, иностранец.

— Хорошо, хорошо. Попросите гостя! — перебил писатель и зажег настольную лампочку.

Посетитель был, действительно, несколько странного вида. Когда он вошел в комнату, писатель сначала принял его за киноактера. Шелковые чулки, башмаки с пряжками, голубой камзол и шелковые панталоны плотно облегли упитанное тело гостя. Белое жабо, дорогие кружева сорочки, поверх костюма плащ.

Писатель поднял глаза. Гость был без головы! То есть, собственно говоря, голова у него была — только в руках!

— Виноват... Вы, кажется, без головы?

— Извиняюсь... Отрубили. Совершенно-с. Конвент!

И, набравшись духу, гость тихо сказал:

— Людовик XVI! После нас хоть канализация! Помните, Людовик XVI? Казненный французский король нервно теребил парик своей головы в руках.

Писатель тихо сказал ему:

— Ваше казенное величество. Вы портите прическу!

— Ничего, мой друг. Снявши голову по волосам не плачут — как говорит наша французская пословица. Позвольте присесть? Знаете, после такого продолжительного лежания — 125 лет в могиле...

— Как же вы разговариваете, ваше казенное величество? Без головы...

— Ничего, я чревоуещанием! Позвольте присесть? Мерси... Вот, говорят, революция — болезнь народов! Но от нее раньше всего умирают короли!

Писатель пристально и долго смотрел на странного гостя.

— Чем могу? Такой странный визит?..

— Ничего не странный, гражданин. Я прямо с выставки французской революции. Слышу вокруг — 10-летие! Октябрь! Согласитесь, событие не частое!.. Революция, которой минуло 10 лет... И мне, как зачинателю революций...

— Насколько я помню — санкюлоты, Вольтер, Робеспьер и Марат, Жан-Жак Руссо, рабочие кварталы. Вы только были пассивным участником...

— Конечно, конечно!.. — согласился Людовик, — я больше насчет жареных, цыплят... Страшно люблю цыплят. Я даже на суде ел цыплят.

Тут он повел неловко шеей:

— Ужасно неудобная вещь эта гильотина. До сих пор шея болит... Чрезвычайно меня заинтересовало, как это люди живут в революции 10 лет. У нас было ведь кустарничество! Мои верные подданные, как вы помните, не могли долго прожить без короля.

Писатель поспешил успокоить Людовика:

— О, история не всегда повторяется, ваше отставное величество. У нас она если и повторяется, то только для кино. Изволили видеть, как в Москве свергали памятник Александру III?

Людовик махнул головой в правой руке.

— Скажите, неужели у вас санкюлоты играют такую роль?

— Они у нас все в штанах, и называются пролетариатом.

— И никаких распрей? Это ужасно... А ваша Вандея, мой друг? Она бессильна?

Она как раз у вас в Париже, ваше безголовое! Мы несколько переменили картину. В ваши времена русские аристократы призывали к себе из Парижа прогоревших маркизов и куаферов. В наши времена маркизы и куаферы командуют в Париже нашими бывшими аристократами!

Людовик молчал. Он думал.

— В революции, как и в технике, совершенствуются!

Потом тихо сказал:

— Знаете ли, не совсем похоже. Однако вы у нас многое взяли?

— О да, — сказал писатель, — Хотя бы Ревтриб.

— Не будем об этом говорить! Знаете, без головы не совсем удобно думать, но мне кажется, что...

— Что у вас не было Днепростроя, Волховстроя, электрификации и много другого, что отличает французскую революцию от русской?

Писатель говорил долго, пока в дверь не постучали и кто-то не спросил:

— Петр Еремеевич, чай пить будете, что ли?..

Писатель проснулся.

Зубпорстат

Ноздрев крепко держал меня за пуговицу и горячо говорил:

— Дорогой мой! Совершенная нелепость! Абсолютная нелепость! Нет учета потребления зубного порошка. Зубной порошок — это культура! Скажи мне, сколько употребляется в стране зубного порошка, и я скажу, кто ты?.. Да! Социализм — это учет!

Я внимательно оглядел Ноздрева.

— Тот? Тот самый? Тот, который якобы зайцев ловил за хвост по полям? Тот, который ездил по ярмаркам и насчет клубнички? Один бакенбард все еще как будто немножко короче другого, но на лице такое выражение совершенной государственности и сознание важности исполняемого дела.

— Социализм — это учет! И мы, работники отчета, учета, подотчета и начета, — мы зорко глядим в глубь будущего и меньше, чем на пятилетку зубного порошка — мы не пойдем!

— Ноздрев, извиняюсь, ваше имя, отчество?..

— А чёрт его знает! Каналья Гоголь забыл дать мне имя, отчество. Ноздрев и Ноздрев! Так и остался. Впрочем, теперь я несколько переименовал фамилию. Теперь я Краснонос. Как-то звучит современнее. Впрочем, вы можете звать меня по-старому. Зайдемте, что ли?

Мы стояли перед большим зданием. По фронтону красовалась вывеска — черным по золоту или золотым по черному:

ЗУБПОРСТАТ

Ноздрев улыбнулся:

— Непонятно? Это-то и хорошо! Зубпорстат! Статистика зубного порошка. На 49 лет назад и на 49 лет вперед. Штат служащих — 678 человек. Во всесоюзном масштабе.

Мы вошли. Швейцар с галунами низко поклонился. Кругом стучали арифмометры, машинки, счеты, скрипели перья, шуршала бумага, и атмосфера углубленной научной мысли реяла над всем этим огромным залом,

— За один месяц 9 876 642 анкеты разослано по всему Союзу: «Чистите ли вы зубы? Свои? Чужие? А если нет, то почему? Сколько движений щеточкой проделываете вы в минуту? Или чистите пальцем? Каким? Указательным? Средним? Мизинцем? Безымянным? Большим? (ненужное вычеркнуть)».

Ноздрев улыбнулся. Ноздрев сиял, как только что открытый кинематограф. Ноздрев захлебывался от своего статистически-учетного остервенения,

— На основе планового учета движения зубной щетки мы будем требовать полной механизации зубочищения! Пересчитать всем зубы! Всему населению. И в каждой квартире введем электрическую установку зубных щеток. Зашел в ванную, нажал кнопку, и машина вам чистит зубы. Учет на первом плане. И механизация.

— Ноздрев, — воскликнул я, — но вы забываете вставные челюсти?..

— Специальный учет! Я затребовал кредиты в сумме 5 678 942 рублей на особый учет вставных зубов. Но вы же знаете наш бюрократизм!

Не дают кредитов. Смеются. Даже издеваются. РКИ даже осмелилась требовать нашего закрытия.

Ноздрев прошелся по кабинету, обставленному со всей строгостью научно-административного стиля.

— Трудно работать! Я привлек всех своих. Помните Манилова? Он у меня заведует планами на ближайшие 24 года. Собакевич — тоже у меня работает. Хотя трудно с ним. Большой скептик. Чичиков...

— Как? Чичиков тоже?

— Служил. Теперь под судом и следствием. Какая-то афера с выпиской жалования на мертвые души. РКИ добралось. А, кто там? Войдите!

Вошел Манилов. Его глаза улыбались, но не без почтения. Его стан изгибался, но не без достоинства.

— Принес. План употребления зубного порошка на ближайшие 17 лет и три месяца. Принудительное употребление зубной щетки на 78% крестьянского населения. Индивидуальные выводы. Суммарные цифры.

По Манилову выходило замечательно. Получалось, что каждый крестьянин будет употреблять по пуду зубного порошка в неделю. Манилов предлагал, отложив все другие дела, строить только заводы зубного порошка в количестве 2000 на губернию. Покрыть этими заводами СССР в количестве 4 миллионов заводов,

— Чепуха! — вмешался Собакевич, — у меня вот получается — только четверть кило зубного порошка на миллион жителей. Существующих запасов хватит на 876 лет.

— Ноздрев только улыбнулся.

— Вот всегда они так. Впрочем, из споров рождается истина. Мы берем среднее. Кстати, откройте рот. Покажите зубы.

Я поспешил уйти из этого зубпорстата.

Московская Америка

Московские абоненты сумеют использовать телефон для ряда услуг: пробуждение от сна в назначенный абонентом срок, напоминание по телефону о том — куда и в какое время абоненту следует отправиться, что и когда ему следует сделать, с кем видаться и т.д.

(Из газет)

— Дзззззиий — дззззззз — динь-динь! Пауза.

Снова резкий звонок телефона. Чувствуется тревога в его звоне.

Абонент испуганно вскакивает с постели:

- В чем дело? Алло? Кто в такую рань звонит?
Из телефона голос бесстрастный, как фининспектор:
- Вам нужно идти в суд в 10 часов,
— Кто говорит? Судебный исполнитель?
— Бюро обслуживания. Проснитесь.
Абонент бросает трубку и заваливается спать. Через 10 минут:
- Дзинь, дзинь... Дззжжж...
— В чем дело? Вам нужно идти в суд в десять часов. Вы уже встали?
— Да вам какое дело, чёрт вас возьми?
— Вы можете ругаться. Это входит в наш договор! Мы обязаны выслушивать. Если через 10 минут не позвоните о том, что вы встали... опять будем звонить.
— Да вам-то какое дело? Вы меня разбудили и чёрт с вами!
— Нельзя! Наше бюро поручений исполняет поручение не за страх, а за совесть... Не по букве закона, а по духу... Поняли?..
— Чёрт... вас...
— Д з з з... Отбой!
Еще через 10 минут:
- Абонент не ушел еще?
— Нет. Я уже встал. Что еще?
— Сегодня вы должны уплатить долг Михееву — 48 рублей... Долг Михееву. Долг Михееву! Дол...
— До-во-льно!
— Дззз...
— Опять? Что такое?
— Бюро обслуживания напоминает вам, что в четыре часа у вас в Пассаже свидание с Зоей Абрамовной. В четыре в Пассаже.
— Тс... Вы с ума сошли, идиот вы несчастный, а не бюро! Вы с ума сошли! Здесь же жена рядом. И кто это вам поручил звонить мне об этом? Уж, наверное, не я.
— Нет. Мы принимаем поручения и от вторых лиц — именно Зоя Абрамовна Чепчикова просила напомнить абоненту 5-04-25, что ровно в 4 часа в Пассаже.
— Тс-с... Дайте отбой! Прекратите!
Ночью... Звонок.
— Бюро обслуж...
— Что еще?
— Не забыли ли вы уплатить долг Михееву?
— Забыл! Забыл! Забыл. Назло вам, чертова кукла. Послушайте, вы принимаете все поручения?
— Все!

Так, поручаю вам достать мне 100 рублей... Что, вы только телефонные?.. Очень хорошо. Поручаю вам перестать ко мне звонить. И прошу это поручение исполнить в первую очередь... Алло...

* * *

Говорят, в последнее время в Москве уменьшилось число телефонных абонентов. Многие отказываются.

Верно ли это — не знаю!

Путь к славе

Плох тот солдат, который не надеется быть генералом. Но еще хуже тот писатель, который не надеется рано или поздно ехать на Капри к Горькому!

Не напрасно недавно чествуемый популярный «певец гнева и печали», столь успешно выведенный в люди Корнеем Чуковским, небезызвестный Некрасов, писал по этому поводу:

Поэтом можешь ты не быть,
Но быть у Горького... обязан!

Здесь в вынужденно краткой, но, будем надеяться, достаточно популярной форме приведем мы несколько чрезвычайно полезных, практически проверенных приемов, с помощью которых каждый писатель может сделать, — посредством Горького, — далеко не посредственную карьеру.

Кто-то утверждал, что Госиздат не принимает теперь рукописи от писателей без горьковской визы.

— Письмо от Горького есть? Покажите, Гм. Гм. Гм... Чрезвычайно восхищен и потрясен вашим талантливym описанием деревни. В СССР все стали чертовски хорошо писать, даже судебные исполнители. Гм, хорошо, ступайте в кассу, получайте аванс. Кстати, там все равно денег нет! Конечно, это значительное преувеличение, но для писателя, посетившего Горького, не пожалевшего тысячи рублей на поездку за границу, потом открыта широкая дорога.

Однако перейдем к главной цели нашего руководства, к изучению практических методов подхода, подъезда, прихода и приезда в Италию к Горькому.

В надежде, что Горький читает решительно все, не пропуская никакой дряни, вы заранее посылаете ему свою книгу с почтительной, хотя и полной собственного достоинства, надписью, вроде такой:

— Заходящему солнцу от восходящей звезды, скромного почитателя, Онуфрия Чебоксарова!

По дороге хорошо прочитать и запомнить хотя бы несколько наименований старых горьковских рассказов. При случае следует в разговоре с Горьким ввернуть этакое словечко:

— До сих пор не выходят у меня из головы, Алексей Максимович, ваши «Сказки об Италии». Замечательно, замечательно...

Горький принимает всех. Горький читает все, Горький все поймет и все простит. Это дает вам право ворваться в виллу писателя, поощрительно похлопать Горького по плечу и, не без развязности, заявить:

— Быть в Риме и не видеть папы? Хе-хе-хе! Дай, думаю, съезжу к вам, коллега! Надеюсь, вы прочли мою повестушку в «Голосе Мыловара» — «Мысль и гениальность»?

Многие писатели ездят к Горькому вдвоем и втроем. Это не совсем удобно. Может быть, для Горького и гораздо легче принять сразу тройную дозу гостей, нежели поодиночке, но для посетителя не всегда приятно иметь живых свидетелей иногда суровых реплик писателя.

Если Горький после вашей болтовни оставляет вас на веранде и высылает внучку с запиской:

«Очень извиняюсь, коллега, сильно болит голова! Выход направо, извозчики на углу, налево!» — вы вовсе не обязаны посылать эту записку в будущий музей вашего имени.

Вообще, после короткого пребывания с Горьким наедине, смело можете писать на Родину корреспонденцию в любой журнал или газету под заглавием:

— «Два дня у Горького». Итальянское солнце ослепительно светит... Поет Средиземное море, вдали дымит специально к нашему приезду проснувшийся Везувий, розы напоили воздух ароматом фиалок.

— Извозчик, к Горькому. Знаешь?

— О, миа кара! — отвечает извозчик нежнейшим тенором, подымая кнут до верхней «до». — Синьоре Горькини, великий писатель земли русской?!

Впрочем, он сейчас же прибавляет:

— Чего там, садись, ваше сиятельство. Подвезем! Хоша мы из эмигрантов, — граф Бобринский и сыновья, — иначе чего стесняться в чужом отечестве? Сыпь две лиры пятьдесят гентезимов!

По дороге мы пьем воздух Капри, как вино, и вино глотаем, как воздух! Великий Горький встречает нас с распростертыми объятиями: он как раз занимается гимнастикой, и в его руках по пудовой гире.

— Джузеппе, зачем опять дверь отперта? — слышим мы приветственный возглас Горького, и в голосе его рокочут знаменитые басовые ноты.

— Алексей Максимович, пожалуйста, без церемоний! — отвечаем мы на радушное приветствие хозяина. — Не надо никаких торжественных встреч. Да я и не надолго, денька два поживу у вас, почитаю вам свою пьесу и два романа! Позвольте представиться! Мандрыкин-Мухоедов, специальный корреспондент «Штурвала», драматург, романист, публицист, поэт и корректор,

К сожалению, Максиму Горькому нужно было уезжать в город, он любезно пригласил нас: не желаете ли, подвезу?

По дороге Горький был довольно молчалив и на первом же повороте кратко и многозначительно сказал:

— Одно слово, — слезайте!

Но в этом слове услышали мы скорбь по Родине, тоску по русской степи и глубокую боль воспоминаний о волжских просторах и курских соловьях.

Мы долго глядели увлажненными глазами на широкую спину Горького, вероятно, что-то забывшего дома и повернувшего свою тележку обратно к знаменитой вилле.

Корреспонденцию можно, конечно, всячески варьировать, но даже и такой краткой, но художественно проработанной корреспонденции из Италии вполне достаточно для того, чтобы двери всех журналов открылись для вашего творчества, и гонорар посыпался бы, словно золотой дождь.

Конечно, не всякий имеет возможность поехать в Италию, и тогда приходится удовлетвориться «письмами Горького», тем более, что великий писатель отвечает решительно всем, — даже не приложившим почтовой марки.

Судебным порядком

Бывают случаи, когда при возникновении конфликтов между актерами и администрацией при распределении ролей заинтересованный артист обращается с судебным иском — о предоставлении ему определенной роли.

(Из газет)

— Какую же сумму вы собственно просите с кинофабрики за свое участие в фильме?

Задунаев-Загребельский выпячивает грудь, оглядывает судебный стол, будто ждет реплики от суфлера, и выпаливает.

— Позвольте, я требую, а не прошу. 7000 рублей. Я играл главную роль.

— Однако, — замечает судья, — такой суммы за несколько дней даже английский король не получает.

— Согласен! — говорит актер. — Но ведь он *не играет никакой роли*... Следующее дело. По иску актрисы Мандрыкиной-Недотрогиной к частному антрепренеру Максарину.

— Вы чего требуете, гражданка?

— Я не гражданка, я инженерю-кокет. Мне не дают ролей. Два месяца хожу в театр, а меня даже сторож не знает: «Посторонних — говорит — не пускают...»

Антрепренер снисходительно подает реплику:

— Она 35 букв не выговаривает-с и ходить по сцене не умеет.

— Я не умею? — кричит актриса. — Я не умею, а ваша любовница Певцова умеет? И не только ходить.

Судья стучит о стол.

— Гражданка Мандрыкина-Недотрогина, вы какой же роли требуете?

— Офелию!

— Да у нас Шекспира и не ставят. Несозвучно эпохе. Как сказано в «Гамлете»: «Офелия, иди в монастырь»! В монастыре ей место, но не на сцене...

— Ну, не Офелия, пусть хоть выходную роль дадут... Я вам сейчас прочту из «Принцессы Грезы»...

Судья звонит до изнеможения...

— Я любовник, гражданин судья.

— Это к делу не относится. Это частное дело.

— Нет, я говорю, любовник амплуа...

Судья перебивает:

— Вы просите роль? Считаете, что вас недостаточно используют на сцене?

— Нет, я по пьяному делу.

— А это кто впереди сидит?..

— Перед судьями? Театральные критики... экспертизу актерам делают. Первый акт из «Ревизора» идет, второй акт из «Мадам Анго» и отрывки из «Цементы»... Судебное разбирательство... Конфликты из-за ролей...

— То-то, я вижу, публики много в зале...

— Кто же теперь в театры будет ходить, деньги платить, за галоши опять же отдельно, ежели в суде теперь лучшие актеры свое искусство представляют на предмет роли...

— Действительно... Однако тише... Актер монолог читает...

— А сейчас известная балерина танцевать будет. Куда только публику поместят, уж не знаю?

Эволюция моды

1920 год.

— Как важничает эта Перекусихина! Думает, ежели академический паек ихний квартирант получает, так уж и...

— Вчера новые «копотушки» надела... У меня, говорит, ноги в них как будто в чулках телесного цвета... Даже незаметно, что без чулков! Этакая гордячка...

— Везет ей. Муж в Опродкомгубе, квартирант вчера парусину на брюки за ученые труды получил, она себе из брюк этих бальное платье шьет, а сама баранками торгует. Самое модное занятие...

— Это еще что! Из одеяла — говорит — думаю себе сак «под каракуль» шить. Вчера — говорит — в театре были, так из ложи — говорит — бархат на воротник вырезала. — Кокетка!

— Надо бы и нам в театр сходить! Приодеться немножко!

1924 год.

— Опять посылка, Вера Петровна?

— От тети из Риги... Ах, какая прелесть! Шeviот. Шелк Гри-Перль. Трикотинтовая кофточка. Дорогая тетя Ольга, как она понимает женскую душу!

— Как бы не того...

— Пустяки! Дарья Саввишна 12 пар чулок получила, бостон, индигун, вязаные кофточки... 8 посылок в день! А?!

1928 год.

Дорогая Анна Петровна! Вы спрашиваете, что у нас теперь носят? Очень модно носить покойников в крематорий. А до этого носят последние модели из Москвошея. Говорят, в Ленинградодежде изящнее, но я не нахожу. Ботинки из магазина Кожтреста. Правда, — нужных номеров нет, но если напихать бумаги...

